

ЭТРУСКОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ

(обзор)

Важнейшими проблемами современной этрускологии являются: проблема происхождения этрусков, проблема языка, проблема общественного строя и значения этрусков в культурном и политическом развитии Италии VII—V вв. до н. э. Мы покажем какими новыми данными располагает наука в этой области и что в современных исследованиях может быть признано достижением, хотя бы содействующим дальнейшей работе над основными проблемами.

Вопрос о происхождении этрусков продолжает привлекать внимание исследователей, однако в его трактовке некоторыми из ученых вряд ли можно усмотреть что-либо новое. Так, известный своими интересными археологическими изысканиями Блох в новейшей работе типа введения в этрускологию¹ придерживается теории восточного происхождения этрусков, именно того варианта, который относит переселение этрусков в Италию к относительно позднему времени. Блох датирует их прибытие даже началом VII в.² Эта точка зрения, которой придерживается ряд исследователей, на первый взгляд может представиться достаточно обоснованной данными археологии и языка. Этрусская культура содержит черты, напоминающие культуры Востока, и поэтому вполне понятно, что многие исследователи усмотрели в возникновении в Средней Италии памятников так называемого «ориентализирующего» стиля появление в этих местах нового этнического слоя населения — этрусков. Принадлежность этих памятников этрускам представляется тем более правдоподобной, что с ними связаны и древнейшие этрусские надписи. Кроме того, сторонники этой теории видят доказательство прибытия этрусков в изменении обряда погребения: кремация вытесняется труположением, а последнее характерно для значительной части усыпальниц этрусской знати. Однако за последние годы у ряда этрускологов наблюдается резко отрицательное отношение к этому варианту теории о восточном происхождении этрусков. Известный археолог Джильйоли считает памятники «ориентализирующего» стиля местного производства своеобразным воспроизведением вещей восточного происхождения, попавших в Италию в результате торговли с финикийцами или греками³. Отказывается объяснить миграцией этрусков появление изделий «ориентализирующего» стиля и М. Паллоттио. Также и вышеупомянутое изменение в обряде погребения, по его мнению, нельзя считать вызванным обязательно появлением нового народа.

¹ R. Bloch, *Les étrusques*, P., 1954. Помимо вопроса о происхождении этрусков автор касается их истории, письменности и языка, жизни общественной и частной религии и искусства.

² Cp. S. Borsari, *Le migrazioni dall Oriente in Italia nel VII secolo*, «La Parole del Passato», XVII (1951), стр. 133.

³ См. SE, XXII (1953), стр. 321 сл. Также гаруспичину считают затруднительным объяснить как заимствование у хеттов. См. E. Laroche, *Eléments d'haruspicine hittite*, «Revue hitt. et asian.», 54 (1952), стр. 40.

На взглядах этого исследователя следует задержаться. В предвоенные годы Паллотино был безоговорочным автохтонистом. В настоящее время его взгляды претерпели изменения. Помимо дважды изданной сводной работы «Etruscologia»¹, этот автор посвятил специальное исследование проблеме происхождения этрусков². Паллотино отрицательно относится как к теории восточного, так и к теории северного их происхождения (так называемые рето-этрусские надписи он даже не включил в недавно изданные им избранные этрусские тексты)³. Он считает, что этрусков нельзя в то же время расценивать только как реликт первобытного населения Италии и допускает наличие в раннюю пору иммиграции, хотя и ограничивает ее значение. Самую проблему происхождения этрусков Паллотино заменяет проблемой формирования *in situ* этрусской народности. Вопрос о происхождении этрусков, согласно Паллотино, представляет интерес лишь для выяснения основ этрусской культуры, но, исходя из него, нельзя найти решения всех проблем, которые возникают при изучении этой культуры, рассматриваемой в разных ее проявлениях и на разных этапах развития. В одной из своих новейших работ Паллотино вносит некоторое уточнение. Он относит иммиграцию с востока к «преисторической» эпохе (не «протоисторической»). В эту эпоху имело место распространение средиземноморских племен, говоривших на языках неиндоевропейских; эпицентром этого распространения была эгео-италийская зона⁴.

Какое отдаленное время имеет в виду автор под «преисторической» эпохой, можно судить по тому, что он считает набеги турша-тирренов на Египет производившимися уже из Италии. Баскско-сардо-кавказский стратум представляется Паллотино еще более древним, чем тот, к которому принадлежали тиррены.

Близкие к Паллотино взгляды защищает М. Лавиоза-Замботти. Не характеризуя полностью ее теорию раннего развития Средиземноморья, мы отметим лишь то, что имеет отношение к вопросам этрускологии⁵.

Согласно Лавиоза-Замботти, земледельческая культура в странах Ближнего Востока создана «протехамитами». Этот район явился эпицентром экспансии данной культуры. Через Балканский полуостров земледельческая культура распространяется по Европе до Иберии включительно. Смещение этих иммигрантов с древнейшим населением Европы приводит к возникновению ряда этнических групп; для Западной Европы в этот период энеолитического культурного единства Средиземноморья характерно сложение хамито-иберо-лигурийского этнического единства. Формы речи, возникшие в условиях гибридизации, называются «азианизированными». Спроникновением в Средиземноморье скотоводов-индоевропейцев, в том числе протолатинов на Апеннинский полуостров, средиземноморское этническое и культурное единство было нарушено.

¹ M. Pallottino, *Etruscologia*, изд. 2-е, Milano, 1947. См. также авторизованный французский перевод «La civilisation étrusque», P., 1949.

² M. Pallottino, *L'origine degli etruschi*, Roma, 1947. Критические замечания и дополнения к этой работе см. у J. Vergard, *La question des origines étrusques*, REA, LI (1949), 3—4, стр. 201 слл. Берар еще раз обращается к анализу известного места Нег., I, 57 и приходит к выводу, что чтение «Крестона» у Геродота не следует исправлять на основании Диопуса. Hal., I, 29, 3—4.

³ M. Pallottino, *Testimonia linguae etruscae*. См. рецензию G. V. Pellegrini, SE, т. XXIII (1954), стр. 461 слл.

⁴ См. его рецензию на книгу Тоуара, SE, XXII, стр. 483 и выступление Паллотино на X Международном конгрессе историков в Риме, касавшееся данной проблемы (последнее осталось нам недоступным).

⁵ P. Laviosa-Zambotti, *Origini e diffusione della civiltà*, Milano, 1947, цит. по рецензии F. Ribezzo, SE, XXIII, стр. 449 сл. Для этрускологии интерес представляют также высказывания Лавиоза-Замботти в ее рецензии на работу S. M. Puglisi, *Gli abitatori primitivi del Palatino...*, SE, XXI, стр. 469 слл.

На западе продолжалось в отдельных районах развитие прежней культуры; таковы зоны иберов, лигуров. К последним автор относит и жителей центральных Альп протосторической эпохи — ретов, которых она в языковом отношении причисляет к «азианизированным», указывая, что это тот элемент, который Кречмер назвал рето-тирренами¹. Однако об отношении этих ретов к этрускам Лавиоза-Замботти высказывалась противоречиво: в более ранней работе² она выступала против единства происхождения этрусков и ретов, но позднее (SE, XXI, стр. 474 слл.) уже допускала, что в формировании этрусского народа большое значение имел тирренский преиндоевропейский субстрат, как это доказывали Рибеццо, Девото Паллотино и др. В той же работе находим высказывания, уже явно лишенные всякого научного значения. Автор считает невозможным, чтобы скромные земледельческие племена Тосканы и Лация, будь они протолатинами, прелатинами или тирренами, создали городскую цивилизацию с аристократическим социальным и религиозным строем. Для этого, думает она, необходимо вмешательство героя-цивилизатора Таков Тиррен, цивилизатор сиканов, предание о котором сохранил Иоанн Лидийский. Этот герой — носитель восточных традиций (черты последних автор видит и в сказании о Ромуле). Однако появление героя-цивилизатора, видимо, представляется автору недостаточным для объяснения возникновения городского аристократического строя восточного типа. Оказывается, что Анатолия была хранительницей этих архаических аристократических традиций вавилонского типа. Автор допускает, что, вероятно, из Фракии в VIII в., во время киммерийских вторжений, в Италию переселилось некое «аристократическое ядро».

Близкой к вышеизложенным взглядам на происхождение этрусков является и «перииндоевропейская» теория Девото, известного своими трудами об италиках. Сущность этой теории такова³. Тромбетти учил о существовании трех стратумов: баскско-кавказского, этрусско-анатолийского и индоевропейского; при этом, поскольку Тромбетти пришел к отрицанию этрусской иммиграции, возникало затруднение при определении исторических условий возникновения второго стратума. Затруднение это, по мнению Девото, устраняется, если рассматривать этот стратум не как уже автономную фазу, но как первое следствие индоевропейской экспансии, которая разбавила гомогенность средиземноморской языковой традиции в Италии и в Малой Азии, но не уничтожила ее. Эта экспансия привела к смешению, или, точнее, разложению доиндоевропейских языковых типов либо в индоевропейский, либо в форму речи, сохранявшую связь со средиземноморским миром, несмотря на восприятие ряда индоевропейских элементов. Такими языками и являются этрусский и иберийский. Девото отвергает противопоставление неиндоевропейских элементов индоевропейским и предлагает интегрировать и те и другие в познание некоей «*fascia periindoeuropea*», которое должно вскрыть медленный процесс обволакивания, утверждения и поглощения, процесс, обусловленный тем, что массовых миграций не было, а совершалось лишь просачивание небольших этнических групп. Этрусский язык — поздний отпрыск неиндоев

¹ Уже в послевоенное время Кречмер придал своей теории происхождения этрусков новый вид. Средиземноморье в III тысячелетии испытало три переселения преиндоевропейцев. Тиррено-пеласги относятся ко второму движению, направленному с севера на юг. Тиррено-пеласги заняли сперва Эгеиду, а затем морем отправились в Италию, где в альпийских районах застали родственное им население ретов. Допускается, что язык этих тиррено-пеласгов имеет побочную связь с индоевропейской формой речи (P. Kretschmer, *Introducción a la lingüística griega y latina*, Madrid, 1946. Рецензия на эту работу — REA, LI (1949), стр. 363 слл.).

² P. Laviosa Zambotti, *Origini*, стр. 70.

³ См. SE, XVII (1943), стр. 539 слл.; XVIII (1944), стр. 187 слл. и новейшую работу G. Devoto, *Le fasi dell'ingredimento*, SE, XXIII, стр. 217 слл.; он же, *Protolatini e protoitalici*, SE, XXI, стр. 175 слл.

ропейских форм речи, в котором имеется и ряд индоевропейских элементов, почерпнутых из языка италиков.

Однако под индоевропеизмами в этрусском имеют в виду не только заимствование из италийских диалектов. Для Хубшмида, изучающего средиземноморский субстрат в сардском языке¹, этрусски, видимо, тот народ, иммигрировавший из восточного Средиземноморья, именно из Эгейского района, который явился древнейшим распространителем индоевропейских слов, в том числе и в сардском. Такое мнение находим и у других исследователей, признающих восточное происхождение этрусков,— у Бранденштейна и у болгарского ученого В. Георгиева.

Наоборот, среди противников теории восточного происхождения наблюдается отрицательное отношение к поискам индоевропейских этимологий как в этрусском языке, так и в топонимике Средиземноморья. Таковы работы Алессо, у которого вновь встречается со спорным вопросом о связи этрусского с лигурийским языком. Алессо — решительный сторонник признания лигуров за этнический реликт неиндоевропейского происхождения. По его мнению, как среди топонимов лигурийского происхождения, так и среди этрусских слов встречаются общие элементы, происходящие из средиземноморского субстрата. Так, автор считает, что именно из этого фонда происходит корень *tul-*, наличный и в ряде топонимов лигурийского происхождения и в этрусском *tular* «границы», «межи». Он подвергает критике работу Э. Серени за то, что последний оставил нерешенной проблему, заимствовано ли лигурийское *tul-* из этрусского или принадлежит к некоему общему языковому фонду².

Учение о связи этрусского со средиземноморским субстратом встречаем и у недавно умершего Рибеццо. Он остался верен тому безоговорочному автохтонизму, который в предвоенный период был господствующей теорией среди значительной части итальянских исследователей.

В одной из последних своих работ Рибеццо признает наличие связи между этрусками и рядом неиндоевропейских, как он считает, этнических групп³, а именно: ретами, лигурами, пиценами, сиккулами и сиканами. Все эти этнические элементы являются по языку средиземноморскими (не индоевропейскими). Ряд надписей, которые вызывают сомнения у других исследователей, Рибеццо безоговорочно продолжал относить к этрусским. Между этрусским и, например, языком надписи на стеле из *Novilaga* в Пицене существуют, полагал Рибеццо, лишь диалектические различия, с чем нельзя согласиться⁴.

Из сторонников историчности рассказа Геродота следует отметить Бранденштейна⁵. В его аргументации нет ничего нового: он воспроизводит доводы Дукати в пользу историчности предания Геродота, которому противопоставляются теоретизирова-

¹ J. Hubschmid, *Sardische Studien. Das mediterrane Substrat des Sardischen...*, 1953, цит. по рец. С. Battisti, SE, XXIII, стр. 472.

² G. Alessio, *Relitti toponomastici liguri in Provenza*, SE, XXI, стр. 443; о н же, рецензия на работу E. Sereni, *La comunità rurale e i suoi confini nella Liguria antica*, SE, XXIII, стр. 484 (ср. рецензию А. И. Пемировского, ВДИ, 1956, № 3).

³ F. Ribezzo, *Popolo e lingua degli antichi Piceni*, SE, XXI, стр. 185 слл.

⁴ См. SE, XXII, стр. 469 сл.; ук. соч. SE, XXI, стр. 194. Ср., однако, G. B. Pelligrini, SE, XXIII, стр. 463, который затрудняется объяснить происхождение этрусскоидных форм в этих надписях, в языке которых прослеживаются кельтские, иллирийские, вентские черты. Также M. Durante, *Contributi all'interpretazione delle iscrizioni picene*, «Ricerche Linguistiche», «Boll. dell' Univ. di Roma», III (1951) стр. 163 сл. (цит. по рец. F. Ribezzo, SE, XXII, стр. 466 слл.) считает, что в языке пиценских (не сабелльских) надписей прослеживаются как этрусскоидные элементы, так и итализмы.

⁵ W. Brandenstein, сб. «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», Wien, 1948, цит. по рец. M. Pallottino, SE, XXII, стр. 471 сл.

ния ритора Дионисия, обычно используемые для доказательства наличия тирренов в Эгееде¹.

Среди сторонников восточного происхождения этрусков особое место занимает В. Георгиев, выдвинувший гипотезу о троянском происхождении тирренов (SE, XX (1948—1949), стр. 101 слл.). В трактовке Георгиева привлекает внимание то, что и у него, как у ряда других ученых, например у Паллотино, традиционной проблеме «происхождения» противопоставляется проблема «формирования». Георгиев, призывая восточное происхождение тирренов, однако придает значение взаимодействиям на итальянской почве, в результате которых собственно и сформировались позднейшие этруски.

Что вопрос о происхождении этрусков остается открытым, это — бесспорно. Но тогда уместно спросить: в чем же заключаются успехи этрускологии и существуют ли они?

Успехи эти, по нашему мнению, помимо накопления новых материалов и их обработки, заключаются в том, что, независимо от достаточно бесплодных спекуляций по вопросу происхождения, уже в предвоенный период возник ряд исследований, в которых стали проявляться элементы исторического подхода при изучении памятников этруской культуры. Известно, что отсутствие историзма, смешение более древних и позднейших явлений, как результат статического восприятия этруской культуры, является основным пороком этрускологических работ не только прошлого, но и начала этого столетия. В сводных работах появились попытки установления периодизации истории этрусков (понятия раннеисторического, протоисторического, раннеэтруского периода, периода экспансии и расцвета, позднеэтруского периода). Стали уделять больше внимания проблемам политического и социального устройства. Исторический подход стал все более внедряться и в специальные работы по языку, эпиграфике, археологии, искусствоведению. Этот историзм проявился и в разработке ряда тем, связанных с экспансией этрусков в Италии, особенно экспансией за пределы собственно Этрурии в течение VII—V вв., которая привела к возникновению разнообразных видов взаимосвязей с другими этническими элементами населения Италии. Так возник ряд специальных работ об этрусках в Паданской области, в Лигурии, на Корсике и Сардинии или в Умбрии и Пицене, в области фалисков, в Лации (где особо важна тема об этрусках в Риме царского периода) или, наконец, в Кампании. Создать историю этруской экспансии и преобладания авторам этих работ, конечно, не удалось, однако они повлияли на самое понимание основной задачи этрускологии: в центре внимания стал не вопрос о происхождении, а вопрос о формировании этруской народности в итальянских условиях, концепция, с которой мы теперь встречаемся и у Паллотино и у других авторов.

И вот появилась работа, целью которой было изменить самую постановку проблемы. В 1950 г. известный немецкий историк Ф. Альтгейм издал небольшую книжку под столь избитым заглавием, как «Происхождение этрусков»², которая, однако, начинается с декларации, что автор считает бесцельным трактовать эту тему, занимаясь поисками прародины этрусков, освещением начального периода их истории или вопросами об их отношении к праиндоевропейцам. Автор заявляет, что он будет рассматривать этрусков как «италийский феномен», как народ, который сформировался в Италии. В его задачу входит выяснение того, чем были «двенадцать народов» собственно Этрурии и что представляли собой федеративно организованные города Паданской области и Кампании. Книжка Альтгейма — не более как этюд, первый опыт создания сводной работы с постановкой ряда проблем, но работы, основанной на данных обширной литературы предмета.

Вот основное положение Альтгейма: «Не только этрусские колониальные города в Северной Италии и Кампании, но и в собственно Этрурии вовсе не были однородными. Лигуры, умбры, иллирийцы, греки и латино-фалиски составляли значительную часть их населения. Вопрос о сущности этруского элемента ни в коем случае не может быть

¹ Ср. выше мнение Б е р а р а.

² F. Althelm, Der Ursprung der Etrusker, Baden-Baden, 1950.

ни решен, ни даже поставлен, если исходить от иммигрировавших тирренов. Происхождение этрусков прежде всего проблема италийской истории. Невозможно отождествлять тирренов и этрусков, так как камертские умбры, фалиски и цериты были также этрусками» (стр. 34).

Автор этим хочет сказать, что в состав позднейших этрусков входили разные этнические элементы и что этруски — понятие не столько этническое, сколько политическое. По поводу этой концепции необходимо сказать следующее. В ней мы видим чрезмерное увлечение теорией гибридизации, приводящее к отрицанию самобытности, присущей всякому этническому элементу (обратная крайность, в которую впал ряд ученых Запада после увлечения расизмом). По Альтхейму, возникновение этрусков совпадает со складыванием Этрусского союза. Этот тезис вызывает возражение и у Момильяно¹, хотя он и считает правомерной постановку вопроса о том, следует ли говорить о приходе этрусков в Италию, пытаясь реконструировать пути кочевого народа, вместо того, чтобы анализировать составные элементы разнородного общества». Альтхейм, правильно указывая на этническую пестроту населения этрусских общин, конечно, очень далек от знания действительного соотношения этих элементов, хотя он и высказывает мысль, которая, вероятно, является правильной, а именно, что в городах властители и подчиненные не отличались резко по языку, так как в правящую элиту входили также и фамилии италийского происхождения. Стремление раскрыть сложность взаимоотношений между различными этническими элементами и не сводить вопрос к одному этрусскому завоеванию заслуживает одобрения.

За последние годы был написан ряд работ, трактующих этрусков как «италийский феномен». Особенно много выходит работ, относящихся к теме об этрусках в Риме-царского периода².

Ряд исследователей под этим углом зрения анализирует культовые древности Рима и легенды царской эпохи.

Рибеццо доказывает³, что протолатинская или сабинская триада Юпитер, Янус, Квирин уступает место триаде этрусского или фалисского происхождения, триаде капитолийской. С этой реформой религии Ромула связано проникновение этрусских верований и обрядов. Однако против этрусизма триады Бьянки вновь выдвинул ряд доводов⁴. А. Гренье толкует *di Indigites et Novensiles* как божества этрусского происхождения⁵. Гаже издал еще восемь этюдов⁶, поражающих смелостью проведенных в них сопоставлений: лемноская стена, ритуальное убийство пленных фокейцев в Цере; троянская легенда о происхождении Рима и Вей; падение Тарквиниев и заговоры эфебов этрусского типа (*sic!*) и многое иное. Необходимо признать, что многие из гипотез и толкований Гаже представляются не всегда убедительными.

Обратился Гаже и к уже столько раз интерпретированному образу Танаквил⁷. Если образ Танаквил толковали как историческую персонафикацию божества, близ-

¹ А. Момильяно, О современном состоянии изучения древней истории, ВП, 1956, № 3, стр. 212.

² Например, А. Bernardini, *Periode sabino e periode etrusco nella monarchia romana*, «Rivista Storica Italiana», LXVI (1951), стр. 5 слл.

³ F. Ribezzo, *Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma*, «Rendiconti d. Acad. dei Lincei», sc. mor., NS, V (1949), стр. 553 слл.

⁴ U. Bianchi, *Questions sur les origines du culte capitolin*, «Latomus», X (1951), 4, стр. 413 слл. Автор вообще считает сомнительным существование у этрусков и у италиков триады, подобной капитолийской.

⁵ A. Grenier, *Indigetes et Novensiles. Divinités collectives de l'ancienne religion Romaine*, «Miscellanea de filologia», Centro de estudios filologicos, Lisboa, 1950, цит. по рец. А. Н. М., SE, XXI, стр. 481 сл.

⁶ J. Gagé, *Huit recherches sur les origines italiques et romaines*, P., 1950, цит. по рец., SE, XXI, стр. 477 слл.

⁷ J. Gagé, *Tanaquil et les rites étrusques de la «Fortune oiseuse»*, SE, XXII (1953), стр. 79 слл.

ного к Весте, то Гаже ищет объяснения образа в культе Фортуны, покровительницы Сервия Туллия, в сказании о котором царица играет аналогичную роль. Такакил рисуется автору этрусской паркой. Культ этой Фортуны — наследие времен Тарквиниев.

Мичелс, исследовав предание о Тарквиниях¹, приходит к выводу, что у Ливия изложение драматизировано. Объясняет она это тем, что Ливий использовал трактовку этих сказаний в какой-то *fabula praetexta*, причем последняя сочинена будто бы лишь в эпоху Августа. Версии Цицерона и Дионисия таких черт не имеют. У Дюмезиля мы встречаем ряд полезных наблюдений о том, как у поэтов августова века отображены предания об этрусках в Риме². Мансуелли ищет объяснения возникновению римских триумфальных арок в таких этрусских памятниках, как фрески гробницы *del Cardinale*, где арки служат входом в Аид, и изображение на урне Арита Волумнии в Перузии³.

Продолжается изучение этрусских основ сказания об Энее с использованием происходящих из Вей статуэток, скарабей, а также найденных в Италии греческих сосудов с изображением героя, несущего отца. По мнению Ф. Бемера, этруски и римляне узнали об этом сказании в VI в. от фокейцев. У этого же автора трактуется вопрос об этрусском происхождении культа пенатов⁴.

Заметим, что вся эта из года в год увеличивающаяся литература все еще далека от того, чтобы дать ясный ответ на вопрос о значении этрусского элемента в Риме царского периода. Мы имеем в виду прежде всего проблему этрусского завоевания и владычества.

Авторы работ о происхождении этрусков, которые только что были рассмотрены, решают вопрос о характере этрусского языка и его родственных связях в направлении признания этого языка в основе не индоевропейским и принадлежащим к «приндоевропейским» языкам в Средиземноморье. Однако убеждение это разделяют не все, и мы должны отметить, что такие лингвисты-этрускологи, как Гольдман, Кортсен, Феттер, высказались за индоевропейский характер этрусского языка причем теория эта, конечно, существенно влияла на попытки интерпретации этими исследователями этрусских текстов. Следует, однако, констатировать еще третье течение среди исследователей, в основе которого находится признание какой-то общности и между языками различных языковых систем. Такое учение в недавнем прошлом вновь выдвигал П. Кречмер, создатель «протоиндогерманской теории», согласно которой индоевропейские языки и такой язык, как этрусский, произошли из какого-то общего источника.

Переходим к вопросу об интерпретации этрусских текстов. Положение в данной области за последние годы существенно не изменилось. Предоставим, однако, слово такому видному лингвисту, каким был Рибеццо. Будучи решительным противником теории индоевропеизма этрусской речи, он считал⁵ наиболее важным для истолкования этрусских текстов создание вокабулярия, содержащего слова средиземноморского (неиндоевропейского) происхождения, а именно: географические названия, слова, относящиеся к флоре и фауне, термины культуры причем наблюдения должны проводиться как в Италии, так и в других странах Средиземноморья.

Однако все эти «средиземноморские» слова уводят в область еще менее известную, чем этрусский язык. Позволительно сомневаться, чтобы раскрытие загадки этрусского

¹ A. K. Michels, *The drama of the Tarquins*, «Latomus» X (1951), 1, стр. 13 слл.

² G. Dumézil, *Propertiana*, «Latomus», X, 3, стр. 289 слл.

³ G. A. Mansuelli, *Fornices*, SE XXIII, стр. 435 слл.

⁴ F. Bömer, *Rom und Troia. Untersuchungen sur Frühgeschichte Roms* Baden-Baden, 1951, цит. по рец. P. Boyancé, REA, LV (1953), стр. 190

⁵ F. Ribezzo, *A che punto siamo con l'interpretazione dell'etrusco*, ES, XXII, стр. 105 слл.

сфинкса могло произойти в результате сопоставления этрусских слов со скудными эпиграфическими данными о других неиндоевропейских языках Италии и сомнительными топонимическими реликтами. Непонятно также, как можно ожидать радикального изменения положения в области интерпретации текстов от их сопоставления со скудными сохранившимися данными о латинских ритуальных текстах этрусского происхождения, которые были у римлян. Рибеццо полагает, что ему удалось доказать, что X столбец текста мумии содержит некоторые положения заупокойного ритуала, известные римской традиции¹. Заметим кстати, что Рибеццо, признавая наличие значительных (?) успехов, считает, однако, что в настоящее время еще невозможно дать полные переводы сколько-нибудь пространных этрусских текстов. Комбинаторный метод оказывается для этого недостаточным. Необходимо учитывать всю совокупность исторических данных, нашедших отражение в языке. Однако — замечательная непоследовательность! — Рибеццо тут же помещает «перевод» текста перузинского *сиррус*. Видимо, влечение к «переводам» и среди современных исследователей не оскудевает. Текст капуанской таблицы за последние годы был «переведен» дважды: Паллоттино и Штольтенбергом². Последний занимался интерпретацией и других текстов. О надежности этих «переводов» можно судить по таким случаям. Феттер, один из более ранних интерпретаторов капуанской таблицы, толковал слово *turza* как племенное название этрусков, а *safunias* как название самнитов, что весьма повышало значение памятника как исторического источника³. Однако у новейших толкователей *turza* имеет значение «фимиама», а чтения *safunias* и вовсе нет. Штольтенберг с удовлетворением отмечает, что его перевод в основном совпадает с переводом Паллоттино, который был ему неизвестен. К сожалению, это далеко не так. Например, Паллоттино дает толкование, что род *icni* (*gens Ignia*) должен делать приношение, именуемое *turza*⁴, но у Штольтенберга ничего подобного нет.

Что же, собственно, нам известно об этрусском языке? Об ограниченности наших знаний можно судить, обратившись к маленькой, подводящей итоги, книжке того же Штольтенберга⁵. На восьми страницах трактуются вопросы грамматические, остальные двадцать четыре занимает вокабуляр с многочисленными вопросительными знаками. С такими ограниченными данными работа над сколько-нибудь сложными текстами лишь в частных случаях может давать положительный результат. Следует однако отметить, что самая обширная часть этрусских надписей состоит из кратких ономастических текстов (имена усонших, посвятивших, божеств), т.е. материала, поддающегося достаточно достоверному толкованию. Например, Паллоттино⁶ своей работой над эпитафиями из Орвието (со второй половины VI по начало V в. до н. э.) пролил некоторый свет на историю этого богатого культурного центра, а Пфистер исследованием гончарных клейм познакомил нас с гентильными именами этрусских гончаров⁷.

Продолжаются исследования и о подлинном значении *rasna* надписей (ρασέννα Дионисия). Фалькнер отвергает ставшее распространенным толкование «лига (этрус-

¹ F. Ribezzo, I sacrifici di sangue e le parole-chiavi della col. X del testo etrusco della mummia, «Atti d. Acc. dei Lincei», s. VIII, «Rendiconti Cl. di sc. mor., st. e. filol.», VI (1951), стр. 557 слл.

² M. Pallottino, Sulla lettura e sul contenuto della grande iscrizione di Capua, SE, XX (1948—1949), стр. 180 слл.; H. L. Stoltenberg, Uebersetzung der Tontafel von Capua, SE, XXII, стр. 157 слл.

³ E. Vetter, «Glotta», XXVIII (1940), стр. 156.

⁴ M. Pallottino, ук. соч., стр. 183.

⁵ H. Stoltenberg, Etruskische Sprachlehre mit vollständigem Wörterbuch, Leverkusen, 1950.

⁶ M. Pallottino, Qualche annotazione in margine al CIE, II, sect. I, fasc. 1 (Orviето), SE, XXI, стр. 229 слл. и XXII, стр. 179 слл.

⁷ R. Pfister, Etruskische Toepferstempel, SE, XXIII, стр. 263 слл.

ских городов)», так как такого понятия нет ни в греческом, ни в латинском; *gasna* — этникон¹.

Среди новооткрытых надписей отметим обычного типа билингву из Арретия, в которой вновь повторяется частичное несоответствие латинской и этрусской ономастических формул². Для истории экспансии этрусков интересен цинерарий из Ascagnano (замок на умбрском берегу Тибра) с надписью *atinei velimnas* (II в. до н. э.), которая указывает на связь обитавшей там фамилии с перузинскими Волумниями³.

Недавно открытая в Marzabotto («этрусские Помпеи») надпись на глиняном диске *larisal kraikalus*⁴ сохранением архаичных форм типична для трансаппенинской Этрурии. Ожидается полное издание этрусских надписей из Адрии⁴. Новым подтверждением существования остатков этрусской культуры в районе Генуи служит надпись *laris(s)* на днище сосуда⁵. Буквы, начертанные на бронзовом сосуде, найденном в Vix (Франция), содержат новые данные о раннеэтрусском алфавите⁶. Продолжающиеся находки этрусских надписей на территории Рима имеют для истории царского периода особо важное значение. Раскопки 1949—1950 гг. дали архаическую фрагментированную надпись на обломке сосуда «буккеро» *mi ani ð . . .*⁷

Недавно опубликованная надпись на пифосе из Цере, датируемая между концом VII и серединой VI в. до н. э., — памятник языка, близкого к латинскому и фалистскому: *eso urna tita vendias mama d(eded fifico)nd fei...⁸*. Это еще новое доказательство двуязычия населения этого крупнейшего города южной Этрурии.

В конце обзора эпиграфических находок остановимся на латинских надписях императорского времени, которые для политической истории этрусков важнее всего отмеченного выше.

Продолжающиеся раскопки Тарквиний привели к обнаружению у так называемой *ara della Regina* (развалины большого храма) на остатках неких мраморных сооружений фрагментов надписей⁹. Это несомненно, новые фрагменты из группы тех текстов, два фрагмента которых были найдены еще в 1899 г. Как и эти последние, они относятся к категории *elogia*. Ограничимся приведением двух фрагментов¹⁰:

a) v.....I.....
I] artis [f.....
 pr. [in eo m] agistratu. a[d.....
 exerc[i]tum habuit. alte[rum in
 siciliam duxit. primus [ducum]
 etruscorum . mare c[um milite]
 traiecit . aqu[ila cum corona]
 aurea . ob .vi]rtutem.....

¹ M. Fra l k n e r. Der Namensatz der Etrusker bei Dionysios von Halikarnass, сб. «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», Wien, 1948, стр. 78.

² M. Pallottino, Rivista di epigrafia etr., SE, XXIII, стр. 399 слл.; G. Ma e t k e. Tomba con urnetta iscritta trovata in Arezzo, там же, стр. 353.

³ M. A. J o h n s t o n e. Una tomba etrusca ad Ascagnano (Umbertide), SE, XXI, стр. 323 слл.

⁴ P. E. A r i a s, Rivista di ep. etr., SE, XXIII, стр. 398. Надписи из Адрии (их более 50) обещает издать Pellegrini, см. SE, XXIII, стр. 463.

⁵ N. L a m b o g l i a там же, стр. 397.

⁶ Об этой важной находке см. ниже, стр. 84.

⁷ M. Pallottino, Rivista, SE, XXII, стр. 309 слл.

⁸ M. Pallottino, Rivista, SE, XXI, стр. 397 слл.; V. P i s a n i, Sulla iscrizione di vendia, SE, XXII, стр. 425 слл.

⁹ P. R o m a n e l l i, Scavi e ricerche nell'area della citta, «Notizie degli scavi», s. VIII, II (1948), стр. 264.

¹⁰ P. R o m a n e l l i, ук. соч., №№ 48 и 77. Восстановления по J. H e u r g o n 'y «Mélanges de l'École Française de Rome», 1951, стр. 119 слл.

б)s. s.....
 orgol[an
 ...c] aeritum. rege [m
'a] rretium. bello
 de arre] tinis. novem [oppida

Тексты эти подверглись обстоятельному обсуждению¹, из которого мы приведем здесь лишь то, что представляется нам наиболее важным.

Обе похвальные надписи сообщают о военных деяниях официальных лиц Тарквиний, вероятнее всего, эпохи независимости. В первой упоминается должность претора (перевод этрусского zilaθ). Последнее интересно и для истории развития государственного строя Тарквиний² и для датировки упоминаемых военных предприятий, но дело в том, что мы не знаем в точности, когда исчезла царская власть в городах Этрурии. О походе в Сицилию можно строить ряд предположений: он может относиться к наступательным действиям, предшествовавшим поражению под Кумами в 474 г., или быть идентичным с походом под Сиракузы 414—413 гг. Менее вероятно относить его во времени Агафокла Сиракузского: война с Римом делает мало вероятной участие тарквинийцев в походе 307 г. Кроме того этот поход никак нельзя назвать первым. Во втором тексте речь идет о взаимоотношениях Тарквиний с царем (-sic!) церитов (что указывает на время до 351 г.) и с арретинцами. Вероятнее всего, что здесь приоткрывается картина распрей между этрусскими городами, о которых можно догадываться и по скудным данным сохранившегося римского предания. Значение вновь открытых надписей исторического содержания в том, что они доказывают наличие у городов Этрурии локального предания, которое служило одним из источников и для римских писателей, интересовавшихся прошлым Этрурии, начиная с Катона и кончая императором Клавдием.

Закончим обзор работ по изучению эпиграфических данных тем, что отметим пробел, который восполняется исключительно медленно. Этрусские надписи ономастического содержания, прежде всего надгробные, вполне доступны для изучения. Можно, основываясь на них и сочетая их с данными археологии, составить просопографию этрусской знати отдельных центров с ее родословными и таким образом бросить луч света на то владычество знатных фамилий ту генократию, которая является наиболее существенной чертой политического строя Этрурии. Но в этом отношении сделано крайне мало, хотя просопографические исследования в других областях умножаются сейчас беспрерывно.

Большинство археологических находок падает на захоронения, т. е. продолжает увеличиваться наиболее многочисленная и лучше всего изученная категория памятников. Отметим как значительное достижение археологической науки в Италии составление археологической карты Этрурии, на отдельных листах которой обозначены все археологические памятники того или другого района. Выпуск новых листов карты сопровождается помещением в SE статей, дающих суммарную характеристику памятников данного района.

Известно, что слабым местом в этрускологии является отсутствие достаточных сведений об устройстве городов. Ни один из них не был до сих пор обследован на такой широкой площади чтобы можно было судить, например, в какой степени соблюдался ритуал основания городов, которому римляне приписывали этрусское происхождение. В ряде случаев мы не знаем даже, где, собственно, находился тот или другой центр в доримское время и какую точно площадь занимал. Так, в течение многих лет исследо-

¹ M. Pallottino, Uno spiraglio di luce sulla storia etrusca: gli «elogia targuiniensi», SE, XXI, стр. 147 сл., где предлагаются и некоторые другие способы восстановления текста.

² V. Kahrstedt, Eine etruskische Stimme zur etruskischen Geschichte, «Symbolae Osloenses» XXX (1953) стр. 68 сл., где высказывается мнение, что претор — не местная магистратура, а глава федерации.

ватели гадали, высказывая подчас фантастические предположения, где находились Вольсинии времени независимости. Только по окончании второй мировой войны Блох прочно установил, что в доримское время город занимал возвышенность над современной Больсеной, которая занимает место римских Вольсиний¹. Характерно, что это сенсационное открытие не вызвало широких раскопок, которые заполнили бы весьма печальную лауну в наших источниках. Спустя пять лет Блох выпустил работу, сообщающую о новых открытиях в районе Вольсиний², но эта работа представляет ограниченный интерес.

Показателем того, что территории городов Этрурии являются *terra incognita*, служит курьезный результат раскопок, произведенных американцами внутри «циклопической» ограды Козы, которую считали очень древней. Оказалось, что этот город построен римскими колонистами и находки внутри оград не древнее III в. до н. э.³ Изучая археологическую карту Ветулонии⁴, приходишь к выводу, что лишь предположительно можно указывать на ее пределы, а об истории возникновения и вовсе судить нельзя. Судя по последней итоговой работе⁵, вопрос об истории возникновения сохранившихся стен Перузии все еще далек от решения. Раскопки Тарквиний для истории возникновения и развития самого города пока дали немного⁶.

Положительным является интерес к вопросам экономики и техники. обстоятельно изучается на основании данных археологии и античной традиции сеть дорог времени независимости (римляне в дорожном строительстве шли по следам этрусков)⁷. Продолжается изучение металлургического производства в районе Популонии, частично связанного с доставкой железной руды с о. Ильва⁸. Найдены печи и мощные напластования шлаков железной руды этрусского времени.

Самой новой общей работой по истории этрусского искусства является книга П. Рис⁹. Эта работа, охватывающая все виды памятников, ценна тем, что трактует материал исторически и учитывает локальные особенности. Особо от архитектуры, скульптуры и живописи этрусков в Средней Италии рассматривается этрусское искусство Кампании и Северной Италии.

Ряд работ посвящен специальным вопросам: изучению отдельных категорий памятников всех или локальных групп, углубленному исследованию ранее изданных или публикации вновь открытых памятников. Работа Паллоттино об этрусской живописи содержит данные, позволяющие проследить развитие живописи и наличие ряда локальных школ¹⁰.

Иные покойный Минто предложил опыт реконструкции различных форм кровли этрусского храма с ее украшениями в виде акротерияльных изваяний, рельефных изо-

¹ R. Bloch, Une campagne de fouille à Bolsena, CRAI, 1946, стр. 480 слл.

² R. Bloch, Volsinies étrusques et romaines. Nouvelles découvertes archéologiques et épigraphiques, «Mélanges de l'École Française de Rome», 1950, стр. 53 слл.

³ F. E. Brown, Cosa I: History and Topography, «Mem. of the American Academy in Rome», XX (1951); он же, La vera origine di «Cosa vulcente», SE, XXII, стр. 411 слл.

⁴ G. Renzetti, Vetulonia, Carte archeologica della città, SE, XXI, стр. 291. Почти все находки городских сооружений относятся лишь к III—II вв. до н. э.

⁵ M. Calzoni e A. M. Pierotti, Ricerche su Perugia Etrusca, SE, XXI, стр. 275 слл.

⁶ P. Romanelli, Tarquinia-scavi e ricerche nell'area della città, там же, стр. 193 слл.

⁷ См. SE, XXI, стр. 277 слл. и стр. 407 слл.; XXII, стр. 381 слл.; «Universo», XXXIV (1954), № 3.

⁸ A. Minto, L'antica industria mineraria in Etruria et il porto di Populonia, SE, XXIII, стр. 291 слл.

⁹ P. J. Riis, An Introduction to Etruscan Art, Copenhagen, 1953.

¹⁰ M. Pallottino, Etruscan Painting, New York, 1952; перевод — «La peinture étrusque», Genève, 1952.

бражений фриза, помещавшегося над фронтоном, фигур, украшавших самый фронтон. Автор убедительно доказывает, что способ расположения скульптурных композиций зависит от ориентации самого *templum*, причем архитектурные принципы, предписанные религиозными канонами, применялись с учетом местных условий¹.

Тому же автору принадлежит исследование о происхождении *imago clipeata funeraria*, надгробного поясного портрета у римлян, от этрусских надгробных памятников в виде щитов конической формы, которые увенчивали курганы². Начало антропоморфизации этих памятников будто бы относится еще к периоду «Виллановы». Однако автору не удалось привести пример такой «эпифании» человеческого образа из пита, а ведь для проблемы связи этрусской культуры с культурой «Виллановы» это имело бы важное значение.

Е. Стефани издал новую серию архитектурных терракот из Вей³. Джулиани-Помес опубликовала первую часть работы, посвященную датировке архаических ситул⁴.

Важна для датировки работа Гербига о саркофагах позднетрусского времени⁵. Другая его работа посвящена вопросу о происхождении фигур усопших, возлежащих на крышках саркофагов. Автор предполагает не греческое, а восточное их происхождение⁶.

С удовлетворением обнаруживаем, что Джильоли возвращается к отвергнутому последнее время толкованию содержания рельефа на саркофаге dello Sperandio в Перузии как сцене победоносного возвращения из похода с добычей⁷.

Восполняет недостающие хронологические данные о клузийских цинерариях и саркофагах работа Тимме⁸. Там же находим и опыт построения генеалогий местной знати.

Ведутся работы по созданию свода этрусских бронзовых статуэток. Такую работу предпринял Фоголари над статуэтками, хранящимися в Вероне⁹. Часть памятников веронского собрания, обнаруживающая стилистическое сходство с веветскими бронзами, несомненно, местного производства и является интересным источником для истории Паданской области времени этрусского преобладания. Такое же значение имеют и бронзовые статуэтки, найденные на территории Аримина¹⁰.

Значительно возросло количество памятников паданской Этрурии за счет новых находок в могильнике «Arnoaldi» Фельзины (Болонья)¹¹. Кроме того, с привлечением

¹ A. Minto, Problemi sulla decorazione coroplastica nell'architettura del templo etrusco, SE, XXII, стр. 9 слл.

² A. Minto, I clipei funerari etruschi ed il problema sulle origini dell' imago clipeata funeraria, SE, XXI, стр. 25 слл.

³ E. Stefani, Veio. Scoperta di un antica terracotta architettonica, «Notizie degli scavi», IV (1950), стр. 60; он же, Una serie di lastre fittili dipinte del santuario etrusco di Veio, «Archeologia classica», III (1951), 2, стр. 138.

⁴ M.-V. Giuliani-Pomes, Cronologia delle situle rinvenute in Etruria, SE, XXIII, стр. 149 слл.

⁵ R. Herbig, Die jüngeretruskischen Steinsarkophage, B., 1952; пер. L. Banti, SE, XXII, стр. 451 слл.

⁶ R. Herbig, Etrusca aeterna, «Studies presented to David Moore Robinson», I (1951), стр. 730; пер. Neppi Modona, SE, XXII, стр. 463.

⁷ G. Q. Giglioli, Il sarcofago dello Sperandio del Museo Arch. di Perugia, «Archeologia Classica», IV (1952), 1, стр. 81 слл.

⁸ J. Thimme, Chlusinische Aschenkisten und Sarkophage der hellenistischen Zeit, SE, XXIII, стр. 25 слл.

⁹ G. Fogolari, Bronzetti etruschi ed italici nel museo del teatro romano di Verona, SE, XXI, стр. 343 слл.; XXII, стр. 287 слл.; XXIII, стр. 383 слл.

¹⁰ G. Q. Giglioli, Bronzetti del territorio di Rimini, SE, XXIII, стр. 13 слл.

¹¹ G. A. Mansuelli, Nuove scoperte nelle necropoli bolognesi, SE, XXIII, стр. 357.

архивных данных были подвергнуты дополнительному изучению ранее открытые группы погребений могильников Фельзины¹. Нельзя, однако, признать, чтобы все эти изыскания существенно изменяли наше представление о фельзинских древностях вообще.

Вопрос о путях проникновения восточного влияния в район Болоньи поставлен Л. Полакко, исследователем трех известных болонских стел периода «Виллановы»². Отрицая проникновение этого влияния из Этрурии и вместе с тем признавая, что сношения через Адриатику не древнее конца VI в., автор не предлагает удовлетворительного объяснения этого явления.

Загадочным остается и архаического вида голова каменной статуи, найденная в Болонье, — памятник, для которого одни искали аналогий в Этрурии, тогда как другие усматривали в нем признаки кельтизма, откуда и колебания в датировке от VII до IV в. до н. э. Усматривали и признаки восточного и ионийского влияний; Зуффа склоняется к последнему мнению, хотя и не дает ответа, как и каким путем это восточное влияние проникло в Фельзину³.

Для вопроса о проникновении этрусков в районе г. Луны (Лигурия) могли бы иметь важное значение изданные Форментини фрагментированные блоки мрамора с растительным орнаментом стиля, который он определяет как ионизирующий и поэтому относит к VI в. до н. э.⁴ Однако критические замечания Стенико опровергают такое толкование⁵.

В Риме в послевоенные годы был опубликован ряд археологических памятников, имеющих для этрускологии важное значение. После появления труда Люльи, который обстоятельно знакомит с недавно найденными памятниками Рима периода этрусского преобладания, с Римом Тарквиниев⁶, последовали стратиграфические раскопки на римском форуме Гьерстада и на Палатине — Иульизи, данные которых касаются не только поселений начала железного века, но и позднейшего развития⁷. Может считаться доказанным, что Рим как *urbs* возник в результате строительства Тарквиниев, видимо, около 575 года.

Имеются также исследования, посвященные доказательству этрусского происхождения определенных видов вещественных памятников раннего Рима. Ричардсон доказывает, что все архаические статуи были заказаны Тарквинием Гордым какому-то вентскому мастеру⁸.

Имеются также работы, дающие новый материал для истории внешней торговли этрусков. П. Сента доказывает наличие этрусского влияния на пуническую керамику VII—VI вв.⁹ Складья описывает ряд бронзовых сосудов, найденных в Венгрии, либо этрусской работы, либо являющихся местными подражаниями¹⁰. Находка во Франции

¹ G. Montanari, *Il sepolcreto felsineo Battistini*, SE, XXI, стр. 305 слл.; G. Riccioni, *Il sepolcreto felsineo Aureli*, SE, XXII, стр. 233 слл.

² L. Polacco, *Rapporti artistici di tre sculture villanoviane di Bologna*, SE, XXI, стр. 59 слл.

³ M. Zuffa, *Osservazioni sulla Testa felsinea di Via San Petronio Vecchio*, SE, XXI, стр. 107 слл.

⁴ U. Formentini, *Rilievi lunensi d'arte ionicizzante*, там же, стр. 117 слл.

⁵ A. Stenico, *A proposito dei presunti...*, SE, XXII, стр. 365 слл.

⁶ G. Lugli, *Roma Antica. Il Centro monumentale*, Roma, 1946.

⁷ E. Gjerstad, *Scavi stratigrafici nel Foro Romano*, «*Bulletino della Commissione Arch. comunale di Roma*», LXXIII (1945—1950), стр. 1—3; S. Puglisi, *Gli abitatori primitivi del Palatino*, «*Monumenti Antichi d. Acc. dei Lincei*», XLI, стр. 1 слл. Cp. G. Lugli, *Sulle piu antiche orme di Roma*, «*Atti... dei Lincei*», s. VIII, «*Rendiconti Classe di sc. stor. e. fil.*», VI (1951), вып. 7-10, стр. 364 слл.

⁸ E. H. Richardson, *The Etruscan Origins of Early Roman Sculpture*, «*Mem. of American Acad. in Rome*», XXI (1953), стр. 77.

⁹ P. Cintas, *Céramique punique*, P., 1950; рец. в RA, Juillet-Septembre 1951.

¹⁰ J. Gv. Szilágyi, *Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden*, «*Acta Ant. Hung.*», I (1953), 3-4, стр. 419 слл.

у Vix (окрестности г. Шатильон-сюр-Сен) необычайно богатого галльского погребения VI в. дала громадный (1,65 м) бронзовый кратер художественной работы, который, возможно, происходит из этрусской мастерской, так же как найденные вместе с ним ойнохой и два котла. Пролегал ли торговый путь через Альпы или эти вещи попали через Массилию — вопрос, занимающий сейчас специалистов¹. Раскопки у Saint-Blaise, где позднее находился важный опорный пункт масилийцев, дали, помимо архаической греческой керамики, большое количество черепков этрусских буккеры, которые датируются 580—530 гг., а также фибул типа Certosa, что свидетельствует об интенсивной торговой деятельности этрусков в этом районе (возвышение Массилии относится к более позднему времени)².

Обозрение закончим указанием на то, как современными исследователями трактуются вопросы о характере, связях, значении этрусской культуры вообще и этрусского искусства в частности.

На международном конгрессе средиземноморских исследований 1950 г. с докладом об итало-этрусской скульптуре выступил Боециус. В полном согласии с Паллоттино докладчик отстаивал самобытность итало-этрусской скульптуры, которая рассматривается как единое целое. Сильное восточное и греческое влияние было преодолено, и скульптура этрусков и италиков пошла по пути оригинального развития. В докладе Кашниц-Вейнберга на ту же тему этрусски рассматриваются как носители особой культуры, отличной от культуры италиков, но последние именно через посредство этрусков познакомились с восточными и греческими художественными мотивами³.

Однако эта теория культурного единства ранней Италии⁴ может иметь и другой нюанс, ставящий под сомнение самое существование какого-то особого этрусского элемента, его влияние на развитие италийской культуры. Еще в двадцатых годах раздавались голоса, что термин «этрусское искусство» не точен и что его следует заменить выражением «италийское искусство»⁵. Что проблема соотношения этрусского и италийского все еще не решена, и сейчас в этом можно убедиться, обратившись к работе известного уже нам Полакко о значении этрусков в создании архитектуры античной Италии и к рецензии Паллоттино на нее⁶.

Полакко отрицает, что *templum tuscanicum* и дом с атрием возникли в Этрурии. Оказывается, что Витрувий употребил «*tuscanicum*» как синоним «*antiquus*» (!). Мало того, Полакко вообще отрицает сколько-нибудь значительную роль этрусков в создании италийской архитектуры. До IV в., утверждает он, в Этрурии не было храмов с тремя целлами. Паллоттино сознает, что Полакко заблуждается и что его романоцентризм возвращает науку ко времени Моммзена, но он признает положительным раскрытие «антиканонического» характера италийской архитектуры, как ее отличия от греческой, а также отрицание Полакко связи архитектурных явлений с какой-либо

¹ R. Bloch et R. Joffroy, L'alphabet du cratère de Vix, «Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire anciennes», с. III, XXVII (1953), 2, стр. 175 слл. Рецензии на работы J. Delepierre, M. Carcopino и др. см. REA, LVII (1955), № 3-4, стр. 322, 353 слл.

² H. Rolland, A propos des fouilles de Saint-Blaise. La colonisation préphocéenne — les étrusques. Le domaine de Marseille, REA, LI (1949), № 1-2, стр. 83 слл.

³ Резюме докладов дал A. Minto, I problemi della scultura italo-etrusca, SE, XXI, стр. 13 слл.

⁴ S. Mazzarino, REA, LIV (1952), стр. 172, говорит о культурной *koïnè*, в создании которой принимала участие вся Италия начиная с середины I тысячелетия до н. э.

⁵ См. G. Cultrera, Arte italica e limiti della questione etrusca, SE, I (1927), стр. 83 сл.

⁶ L. Polacco, Tuscanicae dispositiones. Problemi di architettura dell'Italia protoromana, Università di Padova, 1952; рец. M. Pallottino, SE, XXII, стр. 458 слл.

определенной этнической средой и признание им единства италийского архитектурного опыта.

Примером того, что и в области изучения этрусского искусства все еще существует возможность для самых парадоксальных утверждений, служит работа Энкинга, которая пытается отнести поздние этрусские памятники, обычно определяемые как эллинистические и датируемые III—II вв. до н. э., к эпохе империи, даже ко времени Константина. Бьянки Бандинелли убедительно раскрывает абсурдность аргументации Энкинга¹, но его рецензия на данную работу оставляет впечатление, что автор впадает в противоположную крайность, вообще отвергая наличие преемственности между этрусским и римским искусством².

Н. Н. Залесский